

М.С. Сысоев

Панпсихизм Алексея Козлова в контексте современной аналитической философии сознания

Сысоев Матвей Сергеевич – младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: svsoev.paritet@gmail.com

Данная работа призвана дать ответ на вопрос: может ли быть найдена какая-то связь между классическим панпсихизмом Алексея Александровича Козлова и современным панпсихизмом в аналитической философии сознания? Рассматриваются основные особенности панпсихизма Козлова и трудности, возникающие на пути современной интерпретации его учения. На протяжении работы автор демонстрирует варианты интерпретации, которые помогают обойти эти трудности. Несмотря на специфическое понимание панпсихизма в отечественной традиции, внешне существенно отличающееся от современного, это понимание не препятствует классическим подходам продуктивно взаимодействовать с их современными формами, хотя делает эту задачу значительно сложнее. Показано, что многие положения панпсихизма Козлова достаточно близки к современному натуралистическому панпсихизму. Выделены наиболее интересные для современного контекста положения панпсихистской концепции отечественного мыслителя. Во-первых, ярко выраженная ориентация на теорию познания. Во-вторых, различие акта и содержания сознания в вопросе их достоверности, а также различие достоверности сознания в целом и выделяемых из него абстракций. В-третьих, нейтральный статус сознания как посредника между реальностью и её репрезентацией. В-четвёртых, различие миров метафизического и физического, т.е. подлинных и кажущихся отношений субстанций. В-пятых, идея особого соотношения Бога, реальности и нашей собственной субстанции, которая представляет Бога в качестве непосредственно создаваемого посредника, связывающего нас с подлинным миром.

Ключевые слова: панпсихизм, А.А. Козлов, расселианский монизм, идеализм, спиритуализм, философия сознания, русская философия

Для цитирования: Сысоев М.С. Панпсихизм Алексея Козлова в контексте современной аналитической философии сознания // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 4. С. 62–83.

Введение

В данной работе я представлю свой вариант ответа на следующий вопрос: может ли быть найдена какая-то связь между классическим панпсихизмом Алексея Александровича Козлова и современным панпсихизмом в аналитической философии сознания? Существование связи будет определяться не исторической преемственностью, а наличием общих черт и возможностью совмещения классических и современных идей. Рассмотрение этого вопроса будет производиться для современного контекста с его насущными проблемами и особыми требованиями, поэтому основным методом будет не историко-философский анализ, а интерпретация тезисов.

Чтобы осуществить задуманное, мне необходимо выполнить несколько промежуточных задач. Во-первых, в общих чертах указать на современное понятие панпсихизма и выделить специфические черты его понимания в отечественной традиции. На этом этапе будут продемонстрированы те принципиальные сложности, которые возникают при сопоставлении панпсихистских концепций разных эпох и традиций. Во-вторых, рассмотреть основные особенности панпсихизма Козлова и, исходя из них, наметить вопросы для дальнейшего сопоставления и интерпретации. Для анализа я обращусь к позиции, выработанной в поздний период его творчества. В-третьих, оценить, является ли его подход родственным современному панпсихизму и, исходя из этой оценки, ответить на вопрос: какие из рассмотренных идей могут быть интересны в современном контексте? Я покажу, как можно обойти принципиальные сложности, которые препятствуют ведению диалога: несмотря на специфическое понимание панпсихизма в русской философии, внешне существенно отличающееся от современного, это понимание не закрывает классические подходы от продуктивного взаимодействия с их современными формами, хотя делает эту задачу значительно сложнее и требует значительных усилий по адаптации идей.

Панпсихизм классический и современный

Под термином «панпсихизм» могут подразумеваться как минимум два различных тезиса:

(P1) *Психические явления присутствуют повсеместно*, т.е. сознанием или смутным (прото-сознательным) ощущением обладают все вещи (объекты, субстанции), в том числе те, которым мы не приписываем сознание на основании обыденного опыта.

(P2) *Психические явления фундаментальны*, т.е. не являются в полной мере продуктом эволюции, постепенно развиваются в ходе эволюции из изначально существовавших фундаментальных психических или протопсихических свойств.

Несмотря на то, что панпсихизм может соответствовать обоим тезисам, их следует различать, поскольку они соответствуют ответам на два самостоятельных вопроса. Первый отвечает на вопрос «насколько распространено сознание?». Второй отвечает на вопрос «возникает ли сознание?». Во многих случаях эти тезисы указывают на один и тот же подход, но они раскрывают две разные перспективы: распространение сознания в пространстве (P1) и распространение сознания во времени или в организационной иерархии от простых вещей к сложным (P2).

И то, и другое понимание панпсихизма вполне допускают, но не обязательно предполагают, что только психические явления конституируют саму реальность, т.е. что реальность является *только психической* по своей природе. То есть принятие тезиса сохраняет вариативность в выборе метафизики. В случае тезиса (P1) это выражается в том, что наделение какого-либо носителя свойств (например, субстанций) психическими свойствами ещё не является отождествлением такого носителя

свойств с психическим явлением в целом. Например, в анимизме душой или духом обладают все существующие вещи¹, но это не значит, что сами вещи не могут состоять в том числе из материи. В этом случае мы имеем дело с той или иной формой дуализма. В случае тезиса (P2) вариативность выражается в том, что он позволяет считать фундаментальными не только психические свойства, но и, например, физические (например, как в субстанциальном дуализме или дуализме свойств). Он также позволяет охарактеризовать одни и те же фундаментальные свойства как одновременно и психические, и физические (как в нейтральном монизме). Отсюда следует, что, хотя идеализм и спиритуализм могут быть совмещены с панпсихизмом, они не тождественны ему. Как станет ясно далее, панпсихизм во многих вопросах занимает промежуточное положение между материализмом и идеализмом. Современный панпсихизм в аналитической философии, где он получил наибольшее распространение, чаще всего с идеализмом или спиритуализмом вообще не связан². Напротив, он находится в тесной связи с естественнонаучным взглядом на мир и преимущественно реализуется на основе метафизики расселианского монизма³, который может быть выражен в трёх основных тезисах⁴:

1) *Структуралистский тезис*: физика описывает только внешние структурные и динамические свойства и ничего не говорит о внутренних.

2) *Тезис дополнения*: существуют внутренние свойства, т.е. свойства, лежащие в основе структуры и динамики, которые описывает физика.

3) *Тезис нейтральности*: внутренние свойства являются не только внутренними физическими свойствами, но также имеют отношение к психическим свойствам или являются психическими свойствами.

Первый и второй тезисы позволяют расселианскому монизму оставаться в пределах физикализма или по меньшей мере натурализма. И сочетание всех трёх тезисов позволяет расселианскому монизму в отдельных случаях быть также формой реализации панпсихизма. Расселианский монизм предпочтителен тем, что позволяет комбинировать некоторые решения физикализма и идеалистических разновидностей панпсихизма. Чтобы некоторый подход был совместим с расселианским

¹ Это несколько упрощённый взгляд на анимизм, однако в контексте данной работы такой характеристики будет вполне достаточно, тем более что именно этот взгляд мы можем встретить у авторов, на которых я ссылаюсь далее.

² Наиболее яркий пример современного идеалистического панпсихизма – Т. Спригге (см.: *Sprigge T.L.S. A Vindication of Absolute Idealism*. London, 1983). Следует, однако, заметить, что отсутствие большего разнообразия идеалистических форм панпсихизма может быть связано с трудностями в классификации, поскольку и идеалистические подходы, и их связь с панпсихизмом достаточно широко обсуждаются (см.: *Farris J., Göcke B.P. The Routledge Handbook of Idealism and Immaterialism*. New York, 2021). Иногда различия между подходами обусловлены в большей степени наименованиями и историческим контекстом, чем их сутью, о чём будет сказано далее.

³ Обращение к расселианскому монизму является одним из этапов конструирования панпсихистской концепции, связанным в первую очередь с решением вопроса о ментальной каузальности (*Chalmers D.J. Panpsychism and Panprotopsyism // Panpsychism: Contemporary Perspectives / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York, 2016. P. 19–56*). В иных вопросах ситуация может обстоять иначе. В данной работе современный панпсихизм и панпсихистский расселианский монизм будут рассматриваться как синонимы. Следует заметить, что, несмотря на своё название, расселианский монизм в его современном виде не является позицией, специально разработанной Берtrandом Расселом. И хотя отдельные ссылки на Рассела можно встретить при обсуждении данного подхода, в историко-философском смысле это наименование является глубоко дискуссионным. См.: *Alter T., Pereboom D. Russellian Monism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2019 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/russellian-monism/> (дата обращения: 27.05.2024)*.

⁴ *Alter T., Pereboom D. Russellian Monism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2019 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/russellian-monism/> (дата обращения: 27.05.2024)*.

монизмом, он должен в той или иной форме быть совместим с вышеуказанными тезисами.

Некоторые современные сторонники расселианского монизма полагают, что этот подход основан на воззрениях Готфрида Вильгельма Лейбница, и многие философы XIX–XX вв. склонялись к расселианскому монизму и родственным идеям именно ввиду влияния на них его учения⁵. Расселианский монизм, как и родственный ему нейтральный монизм, часто был спутником панпсихизма в XIX–XX вв. В XIX в. панпсихизм развивается в основном либо в контексте неoleyбницианства, где проявляется в отдельных примерах спиритуализма, либо в контексте философского осмысления проблем эволюции, где выражается в том числе в виде нейтрального монизма и дуализма, причём иногда эти контексты пересекались. Современные панпсихисты считают своими предшественниками таких авторов этого периода, как Г. Фехнер, В. Вундт, Р.Г. Лотце, У. Джеймс, У. Клиффорд и т.д.⁶ Не все подобные историко-философские оценки свободны от дискуссии, но, так или иначе, определённая преемственность современного панпсихизма с идеями Лейбница и вышеуказанных авторов очевидна. Сторонники панпсихизма в русской философии также принадлежали к неoleyбницианству⁷, и Козлов является одним из самых известных представителей этого направления. При этом русский панпсихизм унаследовал большинство положений западной традиции не только самого Лейбница, но также и Р.Г. Лотце и Г. Тейхмюллера⁸. Поэтому мы могли бы ожидать, что между классическим русским панпсихизмом и современным панпсихизмом, допускающим ссылки на Лейбница, тоже может быть обеспечена какая-то преемственность. Однако на уровне сопоставления общих признаков возникают проблемы. Чтобы обозначить отличие вышеуказанных определений от тех, что приняты в отечественной традиции, рассмотрим два определения панпсихизма в словарях. Первое из философско-энциклопедического словаря 1983 г.:

Идеалистич. представление о всеобщей одушевлённости природы. Историч. формы П. различны: от недифференцированного анимизма первобытных верований и гилозоизма др.-греч. натурфилософии до развитых идеалистич. учений о душе и психич. реальности как подлинной и единств. сущности мира (концепция монады у Лейбница, филос. идеи нем. психофизика 19 в. Г.Т. Фехнера, учение швейц. психолога 20 в. К.Г. Юнга и др.)⁹.

И ещё одно из энциклопедического словаря 2004 г.:

Представление о всеобщей одушевлённости, согласно которому все вещи, а может быть, даже мир в целом, одушевлены, обладают жизнью и психикой; форма метафизического идеализма, утверждающего, что вся природа состоит из психических

⁵ Alter T., Pereboom D. Russellian Monism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2019 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/russellian-monism/> (дата обращения: 27.05.2024).

⁶ Goff P., Seager W., Allen-Hermanson S. Panpsychism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2022 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2022/entries/panpsychism/> (дата обращения: 10.11.2024).

⁷ Здесь можно назвать в первую очередь Я.О. Озе, Е.А. Боброва и А.А. Аскольдова. Первых двух авторов указывает сам Козлов, а последний является сыном Козлова и во многом сторонником его философской позиции (Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев, 1898. С. 159).

⁸ В данной статье я не рассматриваю традицию русского космизма, которая может быть отнесена к панпсихизму в широком смысле и которая является примером достаточно самобытного подхода, возникшего и сформировавшегося в контексте именно русской философии.

⁹ Панпсихизм // Философский энциклопедический словарь / Ред. и сост. Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М., 1983. С. 476.

центров, подобных человеческой душе (примером может служить теория монад Г.В. Лейбница)¹⁰.

Основное отличие, которое мы можем обнаружить, заключается в том, что в отечественной философии панпсихизм традиционно рассматривается в первую очередь как разновидность идеализма¹¹, в то время как современные представления этому не соответствуют. Подобный взгляд на панпсихизм не связан, как этого можно было бы ожидать, со спецификой именно советского периода и примерно в том же виде встречается и в более ранние периоды истории русской философии. Однако между двумя приведёнными определениями есть значимая разница: если в первом случае утверждается разнообразие форм панпсихизма, то во втором случае он рассматривается исключительно как идеализм в его обычных формах. В русской религиозной философии понимание панпсихизма тяготело в большей степени ко второму варианту. Данную позицию хорошо обобщил Н.О. Лосский:

Панпсихизм не есть гилозоизм. В самом деле, гилозоизм признаёт, что материальный процесс есть нечто отличное от психического процесса, тогда как панпсихизм низводит материальные процессы на степень лишь субъективного представления, считает их лишь кажущимся бытием. Не следует также смешивать панпсихизм с анимизмом первобытных народов: анимизм есть вид гилозоизма, а панпсихизм есть чистый спиритуализм: он не находит в мире никакого другого бытия, кроме психического¹².

В примечаниях в той же главе он, однако, указывает, что есть и другое понимание данного термина:

Словом «панпсихизм» обозначают иногда учения о том, что всё одушевлено; в этом смысле первобытный анимизм и гилозоизм греческих натурфилософов суть виды панпсихизма. Поэтому я обращаю внимание читателя на то, что термину «панпсихизм» мною будет усвоено иное значение: я буду называть так лишь те учения, согласно которым душа и душевные процессы составляют единственное содержание мира¹³.

Таким образом, существование более широкого понимания данного термина он всё же признаёт, но считает необходимым остановиться на более узком варианте. Эту точку зрения, как мы увидим далее, можно считать вполне репрезентативной и для самого панпсихизма.

Термин «идеализм», применительно к рассматриваемой теме, можно использовать в широком и узком смыслах. В широком смысле идеализмом именуется такая монистическая метафизика, в которой главенствующее место занимают не только идеи в узком смысле, но и такие категории, как дух, мышление, душа и т.д. В таком понимании идеализм включает в себя монистический спиритуализм. С другой стороны, в узком смысле идеализм не включает в себя спиритуализм, поскольку последний во главу угла ставит именно активные духовные субстанции или души во множественном числе, активно друг с другом взаимодействующие. Вопрос о соотношении идеализма и спиритуализма даже в работах самого Козлова рассматри-

¹⁰ Ивин А.А. Панпсихизм // Философия: Энциклопедический словарь. М., 2004. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/articles/941/panpsihizm.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

¹¹ Приведённые выше определения выбраны ввиду их краткости. В Новой философской энциклопедии даётся сходное по содержанию определение. См.: Павленко А.Н. Панпсихизм // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2ea0524294aba2279a3d> (дата обращения: 10.11.2024).

¹² Лосский Н.О. Типы мировоззрений // Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Сост. А.П. Поляков; подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой. М., 1995. С. 95.

¹³ Там же. С. 92.

вается без какого-либо заметного единообразия¹⁴. Так или иначе, если панпсихизм является идеализмом в том или ином смысле, это может создать трудности для адаптации его для целей современной философии, и даже просто сопоставить его с современными подходами будет достаточно сложно: у идеализма и натурализма весьма различающиеся философские системы. Однако есть основания полагать, что спиритуализм вообще и в первую очередь панпсихизм Алексея Козлова, о котором далее пойдёт речь, занимает несколько иное место среди всего разнообразия философских взглядов, на которое невозможно указать без более тщательного рассмотрения этого подхода.

Учитывая сказанное ранее, вовсе не удивительно, что является дискуссионным вопрос о том, кого в истории русской философии относить к панпсихистам, а кого – нет. В отличие от общемировых тенденций, в традиции русской философии панпсихизм проявлялся в основном в контексте неолейбницианства. Однако в традиции русского неолейбницианства не было и нет единой классификации подходов. М.А. Прасолов и А.Ю. Бердникова приводят примеры несистематически употребляемых терминов к родственным подходам, что в общей сложности даёт следующий список: спиритуализм, монистический спиритуализм, панпсихизм, эгоизм, персонализм, иерархический персонализм, критический индивидуализм, интуитивизм, идеал-реализм, дуализм¹⁵, критическая монадология, эволюционная монадология. При этом, как замечает Прасолов, «все эти пёстрые названия принимались самими авторами со множеством оговорок и никогда не употреблялись хоть с каким-то постоянством»¹⁶. Бердникова также обращает внимание на явную размытость как самого понятия «неолейбницианство», так и того множества авторов, которых в этом контексте следует рассматривать¹⁷. Я ограничусь при рассмотрении лишь двумя терминами и стоящими за ними явлениями – спиритуализмом и панпсихизмом, причём сам Козлов считал второе явление наилучшей версией первого. Для целей данной работы будет достаточно, что Козлов сам себя именовал панпсихистом¹⁸, и с этой оценкой никто из известных мне исследователей не вступает в спор.

Панпсихизм Алексея Козлова: основные черты

Во многих аспектах позиция Козлова наследует общим тенденциям спиритуализма XIX в., однако имеет и свои характерные черты. На него особенно повлиял Тейхмюллер, поскольку именно его версию лейбницианства он воспринял в зрелой версии своего собственного подхода и отстаивал в большинстве поздних работ, посвящённых онтологии и теории познания. Именно на них и будет основан дальнейший анализ¹⁹. Как отмечал его сын и сторонник панпсихизма, Сергей Алексеевич

¹⁴ Так, в рассуждениях в первом номере его «Философского Трёхмесячника», предшествовавших анализируемому мной периоду, он называл свою позицию идеализмом, критикуя и панпсихизм, и спиритуализм, и классический немецкий идеализм, и субъективный идеализм британских философов. В частности, панпсихизм он критиковал за плюрализм, который до некоторого времени не был ему близок. Однако «спиритуализмом» здесь он именует, вероятно, не только и не столько его монистическую разновидность, сколько явный субстанциальный дуализм, поскольку в качестве одного из примеров он приводит Р. Декарта (*Алексеев (Аскольдов) С.А. Алексей Александрович Козлов. М., 1912. С. 79*).

¹⁵ Иногда под спиритуализмом подразумеваются не монистические, а дуалистические подходы. В данной работе речь пойдёт именно о монистической его разновидности.

¹⁶ *Прасолов М.А. Субъект и сущее в русском метафизическом персонализме. СПб., 2007. С. 20.*

¹⁷ *Бердникова А.Ю. Неолейбницианство в России. М., 2021. С. 10.*

¹⁸ *Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев, 1898. С. 121.*

¹⁹ Кроме статьи о Тейхмюллере и статьи, посвящённой онтологическому доказательству, это работы, опубликованные в издававшемся им сборнике «Своё слово».

Аскольдов: «...главою школы или хотя бы автором оригинального философского мировоззрения Козлова никто не считает, да по справедливости считать и не может»²⁰. Рассматриваемый как индивидуальный мыслитель со всей полнотой его личного опыта, Козлов определённо представляет интерес независимо от того, какие идеи он воспринял, а до каких – дошёл самостоятельно. В его трудах обнаруживается глубокий уровень проработанности и понимания отстаиваемых им воззрений. Кроме того, учитывая специфику его философского метода, личная перспектива играет большую роль. Как верно отмечает Аскольдов, анализируя его взгляды: «...философские принципы не только продумываются, но и переживаются с различной степенью ясности и отчётливости»²¹. Далее я не буду учитывать вопрос об оригинальности его позиции и рассмотрю изложенные в его работах идеи как принадлежащие ему.

Реальность, согласно Козлову, состоит из множества духовных субстанций, поэтому Козлов справедливо именует её *плюралистическим монизмом*: субстанции едины по своему типу и множественны по числу. Субстанции образуют иерархию, во главе которой находится Бог, хотя, в отличие от Лейбница, Козлов не уделял внимания описанию отдельных уровней субстанций. Панпсихизм как тезис является центральным положением его подхода, и таким же термином он именует свою разновидность спиритуализма в целом. Кроме Лейбница, Козлов называет среди авторов, разделяющих близкие к панпсихизму взгляды, Н. Мальбранша, Дж. Беркли²², и влияние этих авторов на него достаточно очевидно, что станет ясно при дальнейшем изложении. Материальный мир, который представляется нам существующим, сводится в его учении к активности духовных субстанций: Козлов уделял особое внимание обоснованию того, как категории не только пространства, но и времени выражаются через психические свойства переживающих душ и, по сути, сводятся к ним. Вслед за Лотце и Тейхмюллером он отказался от предустановленной гармонии Лейбница²³. Ещё одну важную особенность подхода составляет его теория познания. Внутренняя субъективная реальность являлась основным фундаментом онтологии Козлова, причём непосредственное сознание этой внутренней реальности являлось эпистемологическим основанием его философии в целом. Он проводил различие между сознанием и знанием, полагая, что первое является непосредственным, но не связано с формированием понятий, а второе хотя и позволяет высказывать что-то о познаваемом, является результатом нашего мышления, которое может быть ошибочно.

Следует отметить, что позднее мировоззрение Козлова является реалистическим, во-первых, по своему методу, а во-вторых, по содержанию. На первое указывает большое внимание к вопросам онтологии в его работах, на второе – его реализм в отношении мира, независимого от опыта отдельного субъекта. В связи с этим тезисом необходимо рассмотреть две характеристики, идущие от исследователей его творчества. Согласно оценке Лосского, распространённое мнение, что Козлов активно разрабатывал онтологию, является ошибочным. Он настаивает на том, что «Козлов почти вовсе не занимался онтологией, а главным образом разрабатывал вопросы теории познания»²⁴. До некоторой степени с этим высказыванием можно согласиться, но лишь в том смысле, что воззрения Козлова в области теории познания были изложены им гораздо детальнее, чем его онтология, которая во многом

²⁰ Алексеев (Аскольдов) С.А. Алексей Александрович Козлов. М., 1912. С. 60.

²¹ Там же. С. 83.

²² Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев, 1898. С. 123.

²³ Козлов А.А. Густав Тейхмюллер // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 4 (24). С. 535.

²⁴ Лосский Н.О. А.А. Козлов и его панпсихизм // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 3. С. 192.

осталась лишь в планах. Сам вопрос о том, какие тезисы следует относить к онтологии, а какие – к теории познания, достаточно сложен. Для этого есть по меньшей мере три причины: во-первых, в спиритуализме переживаемое и реально существующее в некотором смысле совпадают, поскольку акты и представления духовных субстанций не только отображают, но и порождают реальность; во-вторых, то, что Козлов выстраивал онтологию исходя из своей теории познания, не означает, что он на ней останавливался, ведь его онтологические выводы следуют из эпистемологических; и, в-третьих, Козлов не проводил чёткой границы между метафизикой и теорией познания, что, конечно, влияет и на соотношение последней с онтологией²⁵. Поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что через изложенные Козловым воззрения, даже в теории познания, прослеживаются важные элементы его онтологии и метафизики.

Некоторые авторы характеризовали ранний период творчества Козлова как позицию, близкую к субъективному идеализму²⁶. Поскольку для этой оценки есть определённые основания, необходимо особенно отметить, что в своих поздних мировоззрениях он отошёл от подобных воззрений, или, лучше сказать, интегрировал некоторые их элементы в подход, более склонный к реализму. Единственным, по Козлову, что нам дано непосредственно, является наше собственное Я как субстанция, её состояния и содержания. Однако, основываясь на этой данности и пользуясь инструментами мышления, мы можем приходить к некоторым выводам относительно устройства реальности самой по себе. И ключевую роль в подкреплении этих выводов играет панпсихизм, который является не просто тезисом о том, как устроена реальность; он является ещё и эпистемологическим инструментом для проведения аналогии между реальностью, данной в опыте, и реальностью подлинной, доступной лишь косвенным образом²⁷. По этой причине его учение можно называть *эпистемологическим панпсихизмом*.

Интересен вопрос о влиянии религиозных убеждений на философию Козлова. Рассмотрим две примечательные точки зрения по этому поводу. Одна из них принадлежит совместно Лосскому и Аскольдову, которые имели возможность общаться с ним лично. Они утверждают, что религиозность оказывала в отдельные периоды жизни влияние на его философию, причём в некотором смысле даже превосходящее по силе влияние самих философских идей²⁸. Вместе с тем, как верно замечает В.В. Зеньковский в своём кратком, но обстоятельном анализе идей Козлова,

...надо признать указание Н.О. Лосского относительно религиозных размышлений Козлова верным, но диалектика философского развития Козлова ни в малейшей степени, как нам кажется, не была связана с религиозным миром Козлова. Он жил в атмосфере того разделения мысли и веры, которое связано с секуляризмом, и самая идея Абсолютного Существа, дорогая Козлову, выдвигалась запросами мысли, а не веросознанием²⁹.

Это суждение, в которое Зеньковский, скорее всего, вкладывает некоторую отрицательную оценку, является исключительно положительной оценкой, если мы говорим о чистоте философских выводов. Указанные выше точки зрения вполне могут быть согласованы вместе, если мы учтем, что для философии Козлова личный

²⁵ Козлов А.А. Густав Тейхмюллер // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 4 (24). С. 665.

²⁶ Бердникова А.Ю. Неолейбнизианство в России. М., 2021. С. 96.

²⁷ Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев, 1898. С. 124.

²⁸ Алексеев (Аскольдов) С.А. Алексей Александрович Козлов. М., 1912. С. 82; Лосский Н.О. А.А. Козлов и его панпсихизм // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 3. С. 202.

²⁹ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 601–602.

опыт, в том числе религиозный, играет весьма значимую роль, в то время как догматические положения той или иной религиозной системы не оказали на его поздние воззрения какого-либо значимого влияния.

Панпсихизм Козлова как компромисс между идеализмом и материализмом

Для поздних воззрений Козлова, как и для многих спиритуалистов, была важна специфика спиритуализма относительно идеализма. То, что Козлов разделяет позицию монизма типов субстанций, не вызывает никаких сомнений: для него существуют только духовные субстанции. Однако ситуация становится несколько сложнее, учитывая, что и материализм, и идеализм отвергаются спиритуалистами в столь же явном виде. Возникает вопрос: откуда у спиритуалистов, близких по духу Козлову, и у него самого возникает возможность не отождествлять себя с идеализмом и в чём именно выражается эта возможность на уровне онтологических тезисов? Очевидная гипотеза заключается в том, что *спиритуализм и панпсихизм Козлова как его разновидность представлялись ему некоторым компромиссом между крайностями идеализма и материализма*.

К материализму он действительно был настроен критически. Однако он отрицает материализм не потому, что тот противоречит религиозному контексту, а потому, что на это указывает разработанная им теория познания. Он не занимает материалистическую позицию не потому, что в ней совершенно нет никаких приемлемых для него идей, а потому, что уже есть в философском смысле более удачная позиция – это панпсихизм. Эту последнюю деталь, как кажется, игнорировал даже знакомый с ним лично Лосский. Когда он пишет, ссылаясь в том числе на работу Козлова «Мысли о некоторых философских направлениях», что «наиболее обстоятельна и ценна его борьба с материализмом и позитивизмом»³⁰, он несколько искусственным образом смещает вектор критики Козлова в сторону материализма. При этом он, как кажется, не учитывает следующую значимую фразу, которой Козлов завершает рассмотрение различных версий дуализма, материализма и идеализма:

Значит, из всех, до сих пор рассмотренных мною, главных направлений современной философии как за границей, так и у нас, остался бы только один выход, именно, пристать к научному материализму. Но, к счастью, есть ещё направление, которое не только соединяет в себе преимущества всех рассмотренных в настоящей статье направлений, включая и научный материализм, но в то же время свободно ото всех недостатков тех же направлений³¹.

Одной этой формулировки уже достаточно, чтобы понять, что панпсихизм для него является способом избежать принятия крайностей материализма или идеализма и найти некоторую золотую середину между всеми существующими воззрениями. Более того, первая фраза в цитате указывает, что в отсутствие панпсихизма первенство было бы на стороне именно научного материализма. Претензии эмпиризма к философии, «которая понятие бытия отождествляет с понятием субстанции», он называет справедливыми³², а значит, заслуживающими рассмотрения и устранения в рамках некоторого нейтрального подхода. Это даёт основания, чтобы увидеть некоторую общность его с современным панпсихизмом, поскольку и сторонники

³⁰ Лосский Н.О. А.А. Козлов и его панпсихизм // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 3. С. 187.

³¹ Козлов А.А. Свое слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев, 1898. С. 120.

³² Козлов А.А. Свое слово. Философско-литературный сборник. Т. 3. Киев, 1890. С. 73.

современного панпсихизма могут рассматривать физикализм как своеобразную точку отсчёта³³.

Материализм и натурализм иногда отождествляют, что, конечно, далеко не всегда уместно. Принципиально важно, что современный натурализм значительно шире, чем тот подход, который Козлов называет материализмом, в том числе благодаря возможности его совмещения с расселианским монизмом. Натурализм не привязан к материалистическому атомизму и может допускать существование чего-то ещё, кроме физических свойств, или даже допускать такие трактовки понятия материи, которые для строгого материализма неприемлемы. Поэтому, даже если Козлов прямо утверждает, что его подход является альтернативой материализму, это не значит, что он окажется несовместим с современным натуралистическим подходом. И для целей данной работы необходимо выяснить, в чём именно заключаются сходства и различия его панпсихизма с материализмом. В конечном итоге через рассмотрение этого вопроса станет ясно, остаётся ли после отвержения материализма некоторое сходство с современным панпсихизмом.

Физическая реальность не является фундаментальной

Начать следует с того, что в некоторых местах Козлов прямо противопоставляет панпсихизм материализму, давая некое подобие их определений:

...или духовные явления суть продукты или действия движущейся в пространстве материи, или, наоборот, материальные явления суть продукты или действия представляющего и мыслящего духа. Первая теория называется материализмом, вторая... панпсихизмом³⁴.

Из этой формулировки ясно, почему теперь в качестве противоположности материализма назван уже не идеализм, а панпсихизм: здесь ставится вопрос об источнике движений, который может быть заключён либо в физических, либо в ментальных сущностях, а не только вопрос о том, какие типы свойств или субстанций существуют. Иными словами, это вопрос о фундаментальном источнике причинности в мире. Исключение идеализма из рассмотрения этого вопроса показывает, что в материализме и панпсихизме есть что-то общее, чего не хватает идеализму, как его понимает Козлов, а именно – наличие действующей, активной субстанции.

Единственным сходством между этими подходами, которое в явном виде называет Козлов, является то, что в «панпсихизме, как и в материализме, принимается множество реальных существ, составляющих мир»³⁵. Оба варианта метафизики, таким образом, являются реалистическими и, по крайней мере, в некотором смысле плюралистическими. Но подходы расходятся в том, каковы эти реальные существа и каков характер отношений между ними. И материи, и духам приписывается в этих подходах каузальная сила, т.е. способность являться причиной других явлений, поэтому-то оба подхода и вступают в противостояние. Материализм как идею, что материя и её силы являются самостоятельной причиной явлений, он, вне всяких сомнений, отрицает. Однако существует ли для него материя хоть в каком-то смысле?

На первый взгляд, ответ на этот вопрос должен быть строго отрицательный, поскольку он во многих местах ясно даёт понять, что материальный мир – это лишь кажимость и проекция, возникающая в результате работы нашего мышления:

³³ Chalmers D.J. Panpsychism and panprotopsyism // Panpsychism: Contemporary Perspectives / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York, 2016. P. 21.

³⁴ Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 1. Киев, 1888. С. 56.

³⁵ Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев, 1898. С. 129.

«Существует весь духовный мир, т.е. духовные субстанции с их деятельностями и отношениями, а наши тела и весь материальный мир суть значки этих духовных субстанций, их деятельностей и отношений»³⁶. Козлов в то же время признаёт, что эти значки обладают определённой познавательной функцией, они что-то сообщают нам о том, как устроен мир на самом деле. Он считает, что «ничто не мешает нам признать и за пространством с временем и движением некоторую прикровенную истину и понять их как символы существующих действительностей и их отношений»³⁷. Физические явления, таким образом, не являются подлинной реальностью, а являются лишь способом её репрезентации для нас, причём приводящим ко многим ложным заключениям. «Вещи окружающего мира существуют... в актах восприятия их другими существами», вне таких актов их существование является «призрачным и кажущимся»³⁸. В отличие от наиболее распространённой формы панпсихизма, где физическая реальность представляет собой структурную часть мира, производную от внутренних психических свойств, панпсихизм Козлова, как кажется, полностью вытесняет ту реальность, которую описывает физическая наука, за пределы фундаментальной онтологии.

Структурные свойства реально существуют

Несмотря на это, панпсихизм Козлова не исключает реальное существование структуры отношений, в которых находятся субстанции. Это важно, поскольку подобные структуры реализуют в современном панпсихизме ту систему отношений и свойств, которую мы связываем с физическим миром.

В системе Козлова это реализовано следующим образом:

...связь наша со всеми субстанциями мира, при посредстве высочайшей, действительно существует, но она до такой степени сложна, переплетена и превосходит размеры и силы нашего сознания и наших деятельностей вообще и познавательных в частности, т.е. воображения и мышления, что мы обнять и выразить её вполне и точно, или, как говорят философы, адекватно, не имеем никакой возможности³⁹.

В этой подлинной реальности нет места для независимого существования физического и материального в том смысле, в котором их понимает Козлов. Всё физическое движение сводится к движению психическому, т.е. к активности субстанции и, посредством этого промежуточного звена, к движению метафизическому, которое в реальности происходит между субстанциями и которое непосредственно нам недоступно⁴⁰. Несуществование материи как таковой Козлов выводит из своего же отрицания пространства: «...для реальной материи нужно реальное пространство, а оно только наша идея»⁴¹.

Козлов не отрицает в окончательном смысле то, что называется материальным миром, он заменяет его на другую систему вещей. Очень красноречиво об этом говорит следующая цитата:

В связи с этим миром явлений, кажущихся нам пребывающими и двигающимися в пространстве, стоит совсем другой мир, который можно называть внутренним сравнительно с внешними (пространственными) вещами, мир, лишённый всех признаков

³⁶ Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 1. Киев, 1888. С. 58.

³⁷ Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев, 1898. С. 31.

³⁸ Там же. С. 44.

³⁹ Там же. С. 30.

⁴⁰ Там же. С. 2–3.

⁴¹ Там же. С. 65.

первого, как-то: цветности, звучности, пахучести и прочее и прочее. Этот мир... и есть действительно сущий и реальный⁴².

В этой цитате Козлов пользуется терминами «внешний» и «внутренний» для описания мира явлений и реального мира, как это принято в расселианском монизме. При этом он пользуется этими терминами совершенно иным образом. Первым важным отличием является то, что Козлов определяет субъективно переживаемые качества (цветность, звучность, пахучесть и т.д.) как внешние, в то время как современный расселианский монизм, совмещаемый с панпсихизмом, определяет их как внутренние. Однако пространство, время и движение также определяются им как кажущиеся явления, т.е. относятся к внешнему миру, причём они производны от субъективных переживаний и вместе с ними образуют мир кажущихся явлений. Таким образом, в отличие от расселианского монизма, где мы имеем двоичную структуру, тут имеет место троичность: *мир данных нам психических явлений*, который имеет аспект субъективных переживаний и метафизический аспект, *внешний* кажущийся физический мир, создаваемый субъективными переживаниями, и *внутренний*, подлинный метафизический мир, от которого на самом деле производны все внешние проявления⁴³. Иерархический порядок этих трёх составляющих и их структура их взаимоотношений не вполне очевидны. С одной стороны, психические свойства ближе к реальности, чем кажущийся физический мир, ведь духовные субстанции действительно существуют, они часть метафизики. Однако и физический мир, являясь всего лишь проекцией, всё же проявляет некоторые свойства мира реального. В частности, это касается восприятия движений.

За движениями кажущимися скрывается подлинная и именно движущаяся, в метафорическом смысле, реальность: «...в конце концов пропутешествовать из Петербурга к источникам Нила значило бы принять участие в метафизическом движении различных субстанций, составляющих мир и объединённых в вечных бытии и деятельности субстанции высочайшей»⁴⁴.

Данные в опыте перемещения в пространстве он сводит к психическому движению, то есть к акциденциям субстанций, но сами акциденции субстанций для него являются значимой частью подлинной реальности. Он отмечает, что «данные первоначального сознания указывают на полную реальность всех, хотя бы самых малейших актов субстанции. Все они столь же необходимы в системе бытия, как и субстанция, так что субстанция была бы ничто не только без всех, но и без каждого из её актов»⁴⁵. Акциденции не только реальны, но и «относительно самостоятельны»⁴⁶. Козлов также различает в мышлении сами Акты и их Содержание: «...акт мышления принадлежит к реальной области движения, содержание же акта принадлежит к идейной области. Акт всегда реален и принадлежит к движению, но содержание лишено реальности, потому что содержание акта относится к идейной сфере»⁴⁷.

В своей статье о Козлове Т.И. Ойзерман делает следующее замечание, которое помогает осознать связь плюрализма и монизма в системе Козлова: «Козлов пытается объективно-идеалистически интерпретировать внешний⁴⁸ мир, внешний

⁴² Козлов А.А. Свое слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев, 1898. С. 86.

⁴³ Это применение терминов следует отличать от внешнего и внутреннего в смысле субъективного и объективного.

⁴⁴ Там же. С. 17.

⁴⁵ Там же. С. 72–73.

⁴⁶ Козлов А.А. Свое слово. Философско-литературный сборник. Т. 3. Киев, 1890. С. 73.

⁴⁷ Козлов А.А. Сознание Бога и знание о Боге. Воспоминания об онтологическом доказательстве бытия Божия Ч. I // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 29. С. 449.

⁴⁸ Следует заметить, что Ойзерман здесь использует термин *внешний* в смысле *объективный*, находящийся за пределами опыта, независимый от внутреннего мира, а не в том смысле, в котором его использует Козлов в отрывке, приведённом ранее в том же разделе.

лишь по отношению к каждой отдельной монаде, но не к их совокупности, которая, собственно, и образует то, что именуется внешним миром, природой»⁴⁹.

Таким образом, метафора отношения внешнего и внутреннего понимается Козловым не в пространственном, а скорее в мереологическом смысле, как соотношение целого и частей. Несмотря на оценку воззрений Козлова как объективно-идеалистических, эта картина не содержит ничего, что было бы кардинально несовместимо с расселианским монизмом в широком смысле.

В конечном итоге движение не является таким, каким оно нам представляется в самом содержании мышления. Но существует ли физическая реальность хоть в каком-то, хотя бы производном, смысле? Дальнейшие выводы будут зависеть от того, как мы понимаем материальный мир и как мы понимаем связь между разными типами движения (метафизическим, психическим и физическим). Далее я рассмотрю оба вопроса.

Материальный мир в некотором смысле существует

Отрицание пространства, времени и движения ещё не является отрицанием самой материи во всех возможных смыслах. Козлов это прекрасно понимает и поэтому ещё раз отдельно обсуждает вопрос о материи вне контекста отрицания реальности пространства. Вне контекста проблемы пространства он выделяет другой значимый компонент понятия материи, который заключается в приписывании реальности образам вещей⁵⁰. Оказывается, что идея материи не возникает из идеи пространства. Зависимость здесь скорее обратная: идея пространства образуется уже исходя из веры в реальность материального мира, т.е. в ту реальность образов, которая является результатом работы мышления, объединяющего отдельные данные нашего сознания. Однако граница между кажущимися и подлинными аспектами образов с точки зрения механизма их возникновения оказывается достаточно тонкой, ведь сведения о подлинной реальности мы получаем также исходя из работы мышления, обрабатывающего данные сознания. Поэтому его претензия к такому понятию материи заключается не в том, что оно в принципе есть, а в том, чтобы принимать его за подлинную суть вещей. Он также рассматривает и третий аспект понятия материи, который заключается в её способности быть субстратом вещей: «...мы разумеем под материей то, что принадлежит самим телам, помимо разных их свойств и качеств, высказываемых нами о них»⁵¹. Проблема с этим аспектом заключается в том, что если отвлечься от всех качеств, то от материи остаётся лишь ничто, а значит, эта идея совершенно пуста и бессодержательна.

Таким образом, если под материей мы понимаем объективную реальность, которая управляется собственными законами и существует вне нашего субъективного восприятия, то Козлов определённо не отрицает существование материи на каких-либо принципиальных основаниях. Скорее, он утверждает, что «материальный мир» устроен иначе, чем принято считать. Так, основной исходный пункт философии Лейбница, который заимствован и Тейхмюллером, и им самим, он описывает так: «...вещи материального мира беспространственны и аналогичны нашей душе»⁵². Поэтому в некотором смысле описываемая им система не исключает материальный мир, а, сохраняя его, предлагает иное представление о его устройстве.

⁴⁹ Ойзерман Т.И. Монадология Лейбница и панпсихизм Алексея Козлова // Историко-философский ежегодник. 1995. Т. 10. С. 100.

⁵⁰ Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев, 1898. С. 66.

⁵¹ Там же. С. 66.

⁵² Козлов А.А. Густав Тейхмюллер // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 4 (24). С. 534.

Однако, в отличие от современного панпсихизма, мы не можем ограничиться в описании реального мира лишь противопоставлением внутренних и структурных свойств. Как уже было показано ранее, система Козлова несколько сложнее, поскольку предполагает существование двух миров. С одной стороны – это реальный мир метафизических движений, который мы познаём лишь опосредованно, с другой стороны – это кажущийся физический мир. Физические явления – это следствия нашего взаимодействия с «подлинными вещами, которые не кажутся, а действительно суть»⁵³. Материальный мир реален, но его реальность производна от деятельности субстанций:

Материальная природа есть нечто реальное в том смысле, что все элементы её суть выражения и продукты различных деятельностей подлинных субстанций, которые понимают себя как «Я», а именно деятельности ощущения... деятельности представления... деятельности мышления (понятия вещей, сил, процессов) и т.д.⁵⁴

Подводя промежуточный итог, мы можем описать схему реальности с точки зрения Козлова следующим образом. Реально существуют духовные субстанции, а также их акты, которые в общем взаимодействии образуют структуру метафизического движения, от этой подлинной реальности производно психическое содержание и данное в опыте психическое движение, которое частично отображает стоящее за ним метафизическое движение. В ходе работы мышления из отдельных данных сознания конструируются представления об образах вещей как реальных объектов, существующих в пространстве физического мира. Одна из главных ошибок материализма заключается в том, чтобы этот конструируемый мир принимать за подлинно существующую реальность. Отдельные формулировки указывают на то, что физическая реальность также существует в некотором производном смысле, отличном от того, в котором существует метафизическая реальность. Чтобы подтвердить этот довод, необходимо показать, что фундаментальные единицы онтологии – духовные субстанции, являются в некотором смысле нейтральными, т.е. могут быть носителями таких производных физических свойств.

Духовные субстанции как носители внутренних свойств в некотором смысле нейтральны

Козлов активно использует и развивает воспринятый у Тейхмюллера принцип индивидуального реализма⁵⁵. Он выражается в совмещении двух тезисов: во-первых, признания данности собственной субстанции в непосредственном опыте, который у Козлова именуется сознанием, во-вторых, признание онтологической роли этого сознания, которая обеспечивает подлинность этого опыта. Наше собственное существование дано нам не в мышлении, а в невыразимом осознании, которое не может быть переведено в знание без некоторого искажения. Тем не менее этого сознания достаточно, чтобы уловить сам факт существования Я и погружённость в реальный мир. Более того, само понятие бытия основано именно на этой данности и вне него не может быть сформулировано: «...бытие есть понятие, содержание которого состоит из знания о нашей субстанции, её деятельности и содержании этих деятельностей в их единстве и отношении друг к другу»⁵⁶. При этом бытие не может быть ассоциировано с одним из аспектов, оно основано на единстве всех трёх составляющих.

⁵³ Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев, 1898. С. 69.

⁵⁴ Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 2. Киев, 1889. С. 102.

⁵⁵ Козлов А.А. Густав Тейхмюллер // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 4 (24). С. 527.

⁵⁶ Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 2. Киев, 1889. С. 53.

Индивидуальный реализм в конечном итоге синхронизирует внешнюю и внутреннюю реальность с точки зрения познания, то есть защищает от эпистемологического дуализма. Это можно понять как эпистемологический принцип нейтральности: нам непосредственно дано нечто такое, что есть и в субъективном опыте, и в реальности. Схожий принцип нейтральности обеспечивает защиту от онтологического дуализма. Хотя этот принцип Козловым в явной форме не заявлялся, мы можем обнаружить его следы, опираясь в том числе на его оценку учения Тейхмюллера и оценку других подходов.

Следует обратить внимание на то, как именно он отрицает существование материи. Козлов пишет, что от идеализма панпсихизм отличает то, что в идеализме «прямо или косвенно, но всё-таки материя – называется ли она “ничто” или “чистой возможностью”, как у эллинов, или “инобытием”, как у Гегеля, но признаётся *реальным* началом, в панпсихизме же реальность материи отрицается»⁵⁷. Рассматривая вопрос о том, почему авторы идеалистических систем⁵⁸ вынуждены прибегать к понятию материи, он находит ответ в том, что идеи сами по себе лишены активного и живого начала, поэтому их надо применять к чему-то, что способно воплотить их в жизнь⁵⁹. Как уже отмечалось ранее, он критикует материю не в общем смысле, а в первую очередь как бескачественный субстрат, внешний по отношению к идеям. В его философской системе не требуется утверждение отдельной, внешней и бескачественной материи, поскольку активностью у него обладают сами духовные субстанции. Отсюда возникает вопрос: можем ли мы сказать, что, как и в случае расценианского монизма, сами эти субстанции являются не только духом, но и материей в его панпсихизме, т.е. нейтральны и выполняют сразу две онтологические функции?

Однозначный ответ на этот вопрос мы вряд ли получим, однако есть основания принимать такую интерпретацию. С одной стороны, в некоторых фразах Козлов прямо допускает подобную трактовку спиритуализма: «...сторонники духа, называющие себя спиритуалистами, могли бы с одинаковым правом называть себя и материалистами, потому что для них и материя и дух суть одинаково принципы всего сущего»⁶⁰. Имеет ли он в этом фрагменте ввиду некоторый иной спиритуализм, чем его собственный панпсихизм? Как бы то ни было, характеризуя подходы Лейбница и Тейхмюллера и соглашаясь с ними, он даёт схожую характеристику: «...это направление состоит в признании, что исповедуемая до тех пор в философии противоположность между психическим (духовным) и материальным бытием – ложна и оба эти начала сводятся к единому бытию»⁶¹.

Таким образом, он симпатизирует не подходу, предпочитающему дух материи, а подходу, соединяющему два начала в единое бытие. Если эта трактовка верна, то она обеспечивает ещё один шаг в сторону расценианского монизма, в котором внутренние свойства также могут совмещать и физический, и психический аспекты.

Однако утверждать, что в философской системе Алексея Козлова тезис о нейтральности заходит дальше отдельных заявлений, достаточно сложно. Вполне вероятно, что он сохранил в своей системе больший уклон в сторону психической реальности. Косвенным подтверждением этой версии является то, что его сын и последователь Александр Аскольдов видел в его учении такую форму онтологического

⁵⁷ Козлов А.А. Свое слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев, 1898. С. 124.

⁵⁸ В качестве примера здесь он приводит Платона и Аристотеля. Квалификация их учения как идеалистического является весьма спорной, особенно в случае Аристотеля, но на значимость выводов Козлова в отношении понятия материи это не влияет. Чтобы отрицать существование материи, необходимо сначала сформировать определённое её понимание. Козлов обращает здесь внимание на само понимание материи, а не только на тезис о её существовании или несуществовании.

⁵⁹ Козлов А.А. Густав Тейхмюллер // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 4 (24). С. 529.

⁶⁰ Козлов А.А. Свое слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев, 1898. С. 142.

⁶¹ Козлов А.А. Густав Тейхмюллер // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 4 (24). С. 532.

монизма, которая полностью отрицает понятие материи. Чтобы избежать этого, Аскольдов специально вводит в панпсихизм понятие материи в «аристотелевском смысле» и предлагает принцип «функционального дуализма»⁶², который означает наличие явного противопоставления между высшими и низшими субстанциями в выполняемых ими функциях.

Как бы то ни было, нейтральность либо присутствует изначально в подходе Козлова, либо мы можем, вслед за Аскольдовым, предлагать определённые модификации для его подхода, устраняющие чрезмерный приоритет психического аспекта перед физическим.

Бог как непосредственно данное и основание подлинной реальности

Последняя тема, которую следует затронуть, касается философии сознания и философии религии. Представленная далее попытка интерпретации интересна не столько как способ обнаружить общие места с современным панпсихизмом (хотя и в этом она может оказать некоторую помощь), сколько как интересная и перспективная идея для развития современного панпсихизма в философии религии, который нередко сочетается с пантеизмом или панентеизмом⁶³. Речь идёт о взглядах Козлова на познание Бога и его соотношение с реальностью.

Для всего изложенного ранее эта тема особенно актуальна ещё и потому, что Козлов в основном рассуждает о духовных субстанциях, имея в виду людей и, в редких случаях, животных. При этом он крайне мало говорит о других типах субстанций, которые могли бы быть связаны с неживой природой. Для того чтобы реальность не являлась просто коллективной фантазией множества субстанций, в его подходе должны быть указания на наличие единой, объективной реальности, независимой не только от отдельных индивидов, но и от всех живых существ. В некотором смысле роль такой подлинной объективной реальности в его системе выполняет Бог.

С точки зрения Козлова, Бога мы осознаём так же непосредственно, как и самих себя⁶⁴, хотя ввиду различия между сознанием и знанием, которое принимал Козлов, получение ясного и чёткого знания о Боге в итоге может всё равно оказаться затруднительным. Козлов полагает, что различия между разными религиями и другими позициями обеспечены работой мышления и, в конце концов, все они, кроме одного, окажутся ложными. А корень всех религий един и заключается в непосредственном сознании высшего существа⁶⁵.

Хотя эта мысль весьма интересна, она не получает ни достаточного развития, ни подкрепления аргументами. Исходя из контекста философии Козлова, для её обоснования потребовалось бы рассуждение о том, как связаны Бог и реальность. Главенствующая роль Бога в его системе очевидна. Козлов, как и вдохновлявший его Тейхмюллер, как и его сын и ученик Аскольдов, принимали существование объединяющей мировой души, вне которой никаких субстанций не существует. Эту субстанцию они ассоциировали с Богом. Являясь, в духе Лейбница, Высочайшей Субстанцией, Бог существует вне рамок пространства и времени, сознаёт всю действительность целиком и сразу и своей активностью порождает ту часть реальности,

⁶² Аскольдов (Алексеев) С.А. Мысль и действительность. М., 1914. С. 145.

⁶³ В качестве примера можно привести недавно вышедший сборник, специально посвящённый сочинению этих тем: Brüntrup G., Göcke B.P., Jaskolla L. Panentheism and Panpsychism. Leiden, The Netherlands, 2020.

⁶⁴ Козлов А.А. Сознание Бога и знание о Боге. Воспоминания об онтологическом доказательстве бытия Божия Ч. I // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 29. С. 447.

⁶⁵ Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 3. Киев, 1890. С. 62.

которая находится вне других субстанций. Как было указано ранее, субстанции взаимодействуют друг с другом при посредстве Бога, что и обеспечивает его большую эпистемологическую близость к нам, чем прочих субстанций. В этом вопросе Козлов сближается с окказионализмом Мальбранша⁶⁶. Бог в таком понимании становится ориентиром и общей системой координат, опорой объективной реальности, поскольку связывает отдельные субъективные перспективы, отдельные действующие субстанции друг с другом. Можем ли мы перейти от тезиса «познания мира в Боге» к тезису о «существовании мира в Боге» и утверждать, что Бог в панпсихизме Козлова в некотором смысле порождает объективную реальность своими актами так же, как это происходит в монадологии Лейбница⁶⁷, а отдельные монады-субстанции своими актами порождают эту же реальность, но с субъективной перспективы? Козлов пишет о субстанциях, что каждая из них,

...действуя в своём развитии собственной силою, непрерывно, каждый момент выражает одно и то же, а именно: во-первых, свою собственную индивидуальную сущность и, во-вторых, представляет всю вселенную, т.е. один и тот же объект, и представляет каждый момент всё с большей и большей ясностью⁶⁸.

Если Козлов действительно присоединяется в этом вопросе к Лейбницу, то на поставленный выше вопрос можно ответить положительно. Зеньковский пишет по этому поводу следующее: «...связь отдельных субстанций, источник единства мира коренится, по Козлову, в Боге ("Высочайшей Субстанции")», – о соотношении же Бога и мира Козлов никогда не высказывался, примыкая, по-видимому, к учению Лейбница об этом»⁶⁹.

Дать свой собственный ответ на этот вопрос он явно собирался, но не успел. Шестую книгу «Своего слова» Козлов планировал полностью посвятить изложению своих взглядов на религию, и, вероятно, именно там должны были затрагиваться эти вопросы. Интересно, что Лосский на основании уже имевшихся воззрений Козлова характеризовал это предполагаемое несостоявшееся учение как «пантеистический панпсихизм»⁷⁰, что вполне соответствует данной ранее оценке о соотношении Бога и мира. Но можем ли мы согласиться с оценкой учения Козлова как пантеизма и определить здесь связь Бога и порождаемой им реальности как тождество или включённость?

Наивысшая и подлинная реальность, согласно Козлову, в полном смысле слова тождественна самому Богу. В наиболее подлинном смысле существует только целое, внепространственное и вневременное, а на роль такого целого в полной мере может претендовать только Бог. Однако явные указания на приверженность пантеизму в его рассуждениях найти достаточно сложно. Несмотря на отсутствие специальных рассуждений по этому поводу, мы можем получить некоторые подсказки из имеющихся фрагментов о Боге. В них Козлов рассматривает и критикует точку зрения, что Бог и есть материя всех вещей. Он не отрицает эту идею кардинально и безапелляционно. Основание для отказа от этой позиции он видит лишь в том, что материя имеет количественное измерение и нельзя себе представить чего-либо большего в количественном смысле, в то время как Бог по определению является

⁶⁶ Алексеев (Аскольдов) С.А. Алексей Александрович Козлов. М., 1912. С. 163.

⁶⁷ Интерпретация и ответы на подобные вопросы в отношении Лейбница содержатся в статье: Сысоев М.С. Фундаментальная перцепция в философии Лейбница и современный панпсихизм // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 202–219. Доводы, содержащиеся в ней, могут послужить дополнительным подтверждением излагаемой далее интерпретации.

⁶⁸ Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 2. Киев, 1889. С. 144.

⁶⁹ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 605.

⁷⁰ Лосский Н.О. А.А. Козлов и его панпсихизм // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 3. С. 200–201.

совершеннейшим существом, что измеряется качественным величием⁷¹. Поэтому если мы, с одной стороны, уже применили к онтологии тезис Козлова об иллюзорности пространства, а, с другой стороны, не сводим материю только лишь к протяжённости, то представление о том, что Бог выполняет в его онтологии «функцию» реального мира, вряд ли окажется для Козлова чем-то неверным. Другое дело, что далее ещё необходимо будет решить, исчерпывается ли Бог тем, что Козлов именует миром (пантеизм), или скорее можно говорить о том, что реальность существует в самом Боге (панентеизм).

Если эта интерпретация верна в своих общих чертах, то тезис о непосредственном сознании Бога получает не только своё онтологическое обоснование, но и пояснение. Лучше всего это можно обозначить цитатой Лейбница из «Рассуждения о метафизике», в которой затрагивается именно этот вопрос, с поправкой на различие метафизических систем двух авторов: «Бог есть непосредственный объект наш вне нас и что мы видим Солнце и звёзды, то это Бог дал нам и сохраняет в нас их идеи и определяет нас к действительному мышлению о них»⁷². Однако, в отличие от рационалистического настроя Лейбница, Козлов отдаёт предпочтение чистому и невыразимому сознанию, но не понятийному мышлению. В остальном же суть их позиций, как кажется, близка: то, чем мы обладаем в своём сознании, помимо факта собственного существования, есть то, что связывает теорию познания с метафизикой и феноменологию – с онтологией. Как пишет об этом Ойзерман: «...вера в Бога есть в основе своей первичная интуиция бытия»⁷³. Однако это не Бог какой-то определённой религии, это таинственное Высшее Существо или то, что принято именовать «Богом философов». Невыразимое чувство подлинной действительности, которое Козлов ассоциирует с Богом, является универсальным и невыразимым, поэтому не обязывает нас предпринимать вопрос о том, с чем именно мы столкнулись.

Заключение

Рассуждения, представленные в данной работе, были призваны показать, что панпсихизм Козлова допускает больше точек соприкосновения с современным панпсихизмом, чем может показаться на первый взгляд. Более стандартная интерпретация его учения как разновидности идеализма закрывает для нас такую возможность. Однако ярлыки не должны становиться на пути философского диалога. Поэтому, если отрешиться от историко-философского контекста и вопроса об оригинальности его учения и обратить внимание на сами идеи, которые излагает Козлов, то его панпсихизм, вне всяких сомнений, заслуживает внимания современных исследователей, работающих в русле аналитической философии сознания и религии.

Наиболее интересными положениями панпсихизма Козлова, заслуживающими дальнейшего исследования в современном контексте, являются, на мой взгляд, следующие.

Во-первых, эпистемологический панпсихизм и использование идей Беркли для развития панпсихизма. В отличие от двух типов тезисов, которые я указал в начале данной работы, он характеризуется позицией от первого лица и делает акцент на кажимости перехода между психическим и физическим. Он может быть сформулирован примерно следующим образом в качестве третьего вида тезиса панпсихизма:

⁷¹ Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 2. Киев, 1889. С. 19.

⁷² Лейбниц Г.В. Рассуждение о метафизике // Собр. соч.: в 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 153.

⁷³ Ойзерман Т.И. Монадология Лейбница и панпсихизм Алексея Козлова // Историко-философский ежегодник. 1995. Т. 10. С. 103.

(РЗ) *Психические явления не имеют границ*, т.е. сознание или психические свойства распространяются на всю реальность.

Во-вторых, различие акта и содержания сознания в вопросе их достоверности, а также различие достоверности сознания в целом и выделяемых из него абстракций. Для Козлова неоспоримо лишь само невыразимое сознание в его целостности и первичности в тех ментальных актах, которые являются действиями субстанции, однако попытки извлечь из этой общей интуиции какое-либо конкретное знание или обратить внимание на какое-то конкретное содержание, используя инструменты мышления, могут приводить к ошибкам. Это важный акцент, который может быть интересен в контексте анализа природы субъективного опыта и вопроса о его иллюзорности.

В-третьих, нейтральный статус сознания как посредника между реальностью и её репрезентацией. Этот тезис, вероятно, не содержит у Козлова какой-либо исчерпывающей аргументации, но сама идея заслуживает внимания. Обоснование того, что чистое, ещё не проинтерпретированное сознание является и метафизической, и эпистемологической категорией, могло бы стать способом решения проблемы интеграции метафизики и эпистемологии, которая является одной из проблем современной философии.

В-четвёртых, различие мира метафизического и физического, т.е. подлинных и кажущихся отношений субстанций. Использование такой модели позволило бы современному панпсихизму занять более скромную эпистемологическую позицию в отношении реальности мира. Козлов не отрицает возможность познания подлинного мира, поэтому здесь можно говорить о возможности прогресса. С учётом этого, интерпретируя его учение в натуралистическом ключе, можно было бы различать существующую картину мира, опирающуюся на современную науку (как кажущийся физический мир), и некоторую идеальную картину мира, которая в перспективе может быть доступна для науки будущего (как подлинный метафизический мир).

В-пятых, идея особого соотношения Бога, реальности и нашей собственной субстанции, которая представляет Бога в качестве непосредственно сознаваемого посредника, связывающего нас с подлинным *реальным миром*. Это развитие схожей идеи Лейбница, однако в направлении, более опирающемся на чистый опыт, чем на мышление. Эта идея может оказаться особенно интересна в контексте современного космопсихизма – холистической разновидности панпсихизма⁷⁴.

Следует заметить, что это далеко не исчерпывающий перечень тех идей, которыми современная философия может обогатиться посредством изучения наследия Алексея Козлова.

Список литературы

Алексеев (Аскольдов) С.А. Алексей Александрович Козлов. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1912. VI + 218 с.

Алексеев (Аскольдов) С.А. Мысль и действительность. М.: Типография «Русская печатня», 1914. 387 с.

Бердникова А.Ю. Неолейбницианство в России. М.: ИФ РАН, 2021. 248 с.

Ивин А.А. Панпсихизм // Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/articles/941/panpsihizm.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

⁷⁴ Согласно общей идее космопсихизма первичным является космическое сознание. Подробнее о сопоставлении этого подхода с панпсихизмом см.: Nagasawa Y, Wäger K. Panpsychism and Priority Cosmopsychism // Panpsychism: Contemporary / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York, 2016. P. 113–129.

- Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 1. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1888. 151 с.
- Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 2. Киев: Типография В.И. Завадского, 1889. 165 с.
- Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 3. Киев: Типография В.И. Завадского, 1890. 160 с.
- Козлов А.А. Своё слово. Философско-литературный сборник. Т. 5. Киев: Типо-литография М.П. Фроловой, 1898. 171 с.
- Козлов А.А. Густав Тейхмюллер // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 4 (24). С. 523–536; Кн. 5 (25). С. 661–681.
- Козлов А.А. Сознание Бога и знание о Боге. Воспоминания об онтологическом доказательстве бытия Божия Ч. I // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 29. С. 445–567.
- Лейбниц Г.В. Рассуждения о метафизике // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 125–163.
- Лосский Н.О. А.А. Козлов и его панпсихизм // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 58. С. 181–205.
- Лосский Н.О. Типы мировоззрений // Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Сост. А.П. Поляков; подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1995. С. 4–135.
- Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2001. 880 с.
- Ойзерман Т.И. Монадология Лейбница и панпсихизм Алексея Козлова // Историко-философский ежегодник. 1995. Т. 10. С. 97–106.
- Павленко А.Н. Панпсихизм // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2ea0524294aba2279a3d> (дата обращения: 10.11.2024).
- Панпсихизм // Философский энциклопедический словарь / Ред. и сост. Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 476.
- Прасолов М.А. Субъект и сущее в русском метафизическом персонализме. СПб.: Астерион, 2007. 354 с.
- Сысоев М.С. Фундаментальная перцепция в философии Лейбница и современный панпсихизм // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 202–219.
- Alter T., Pereboom D. Russellian Monism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2019 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/russellian-monism/> (дата обращения: 27.05.2024).
- Brüntrup G., Göcke B.P., Jaskolla L. Panentheism and Panpsychism. Leiden, The Netherlands: Brill, 2020. 305 p.
- Chalmers D.J. Panpsychism and Panprotopsychism // Panpsychism: Contemporary Perspectives / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 19–56.
- Farris J., Göcke B.P. The Routledge Handbook of Idealism and Immaterialism. New York: Routledge, 2021. 698 p.
- Goff P., Seager W. Allen-Hermanson S. Panpsychism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2022 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2022/entries/panpsychism/> (дата обращения: 10.11.2024).
- Nagasawa Y., Wäger K. Panpsychism and Priority Cosmopsychism // Panpsychism: Contemporary / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 113–129.
- Sprigge T.L.S. A Vindication of Absolute Idealism. London: Routledge and Kegan Paul, 1983. 291 p.

Alexei Kozlov's Panpsychism in the Context of Contemporary Analytic Philosophy of Mind

Matvey S. Sysoev – junior research fellow, RAS Institute of Philosophy. Russian Federation, 109240, Moscow, 12/1 Goncharnaya Str.; e-mail: sysoev.paritet@gmail.com

This paper is intended to answer the question: can any connection be found between the classical panpsychism of Alexey Aleksandrovich Kozlov and modern panpsychism in analytical philosophy of mind? The main features of Kozlov's panpsychism and the difficulties arising in the way of modern interpretation of his teachings are examined. Throughout the paper, the author demonstrates interpretive options that help circumvent these difficulties. There is specific understanding of panpsy-

chism in the Russian tradition, which differs significantly from the modern one. This understanding does not close classical approaches from productive interaction with their modern forms, although it makes this task much more difficult. It is shown that many provisions of Kozlov's panpsychism are quite close to modern naturalistic panpsychism. The most interesting provisions of Kozlov's panpsychism for the modern context are highlighted. First, the epistemology-oriented character of Kozlov's panpsychism. Second, the distinction between the act and content of consciousness in the matter of their reliability, as well as the distinction between the reliability of consciousness as a whole and abstractions isolated from it. Third, the neutral status of consciousness as an intermediary between reality and its representation. Fourth, the distinction between the metaphysical and physical worlds, that is, between genuine and seeming relations of substances. Fifth, the idea of a special relation between God, reality, and our own substance, which represents God as a directly perceived mediator linking us to the reality.

Keywords: panpsychism, A.A. Kozlov, Russellian monism, idealism, spiritualism, philosophy of mind, Russian philosophy

For citation: Sysoev, M.S. Panpsikhizm Alekseya Kozlova v kontekste sovremennoi analiticheskoi filosofii soznaniya [Alexei Kozlov's Panpsychism in the Context of Contemporary Analytic Philosophy of Mind], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 4, pp. 62–83. (In Russian)

References

- Alekseev (Askol'dov), S.A. *Aleksei Aleksandrovich Kozlov*. Moscow: Partnership of A.I. Mamontov's Printing House, 1912. VI + 218 p. (In Russian)
- Alekseev (Askol'dov), S.A. *Mysl' i deistvitel'nost'* [Thought and Reality]. Moscow: Typography "Russian Printing House", 1914. 387 p. (In Russian)
- Alter, T., Pereboom, D. Russellian Monism, in: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2019 Edition)*, Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/russellian-monism/> (27.05.2024). (In Russian)
- Berdnikova, A.Yu. *Neoleibnitsianstvo v Rossii* [Neo-Leibnizianism in Russia]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2021. 248 p. (In Russian)
- Brüntrup, G., Göcke, B.P., Jaskolla, L. *Panentheism and Panpsychism*. Leiden, The Netherlands: Brill, 2020. 305 p.
- Chalmers, D.J. Panpsychism and Panprotopsyism, in: *Panpsychism: Contemporary Perspectives*, Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016, pp. 19–56.
- Farris, J., Göcke, B.P. *The Routledge handbook of idealism and immaterialism*. New York: Routledge, 2021. 698 p.
- Goff, P., Seager, W., Allen-Hermanson, S. Panpsychism, in: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2022 Edition)*, ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2022/entries/panpsychism/> (10.11.2024).
- Ivin, A.A. Panpsikhizm [Panpsychism], in: *Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Gardariki, 2004. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/articles/941/panpsikhizm.htm> (20.02.2024). (In Russian)
- Kozlov, A.A. *Svoe slovo. Filosofsko-literaturnyi sbornik* [Own Word. Philosophical and Literary Collection]. Kiev: Tipography of the Imperial University of St. Vladimir, 1888, Vol. 1, 151 p. (In Russian)
- Kozlov, A.A. *Svoe slovo. Filosofsko-literaturnyi sbornik* [Own Word. Philosophical and Literary Collection]. Kiev: Tipography of V.I. Zavadskogo, 1889, Vol. 2, 165 p. (In Russian)
- Kozlov, A.A. *Svoe slovo. Filosofsko-literaturnyi sbornik* [Own Word. Philosophical and Literary Collection]. Kiev: Tipography of V.I. Zavadskogo, 1890, Vol. 3, 160 p. (In Russian)
- Kozlov, A.A. *Svoe slovo. Filosofsko-literaturnyi sbornik* [Own Word. Philosophical and Literary Collection]. Kiev: Tipography of M.P. Frolova, 1898, Vol. 5, 171 p. (In Russian)
- Kozlov, A.A. Gustav Teikhmyuller [Gustav Teichmüller], *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of Philosophy and Psychology], 1894, Vol. 4 (24), pp. 523–536; Vol. 5 (25), pp. 661–681. (In Russian)
- Kozlov, A.A. *Soznanie Boga i znanie o Boge. Vospominaniya ob ontologicheskom dokazatel'stve bytiya Bozhiya. Ch. I* [Consciousness of God and Knowledge of God. Memories on the Ontological

Proof of the Existence of God. Part I], *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of Philosophy and Psychology], 1895, Vol. 29, pp. 445–567. (In Russian)

Leibnits, G.V. *Rassuzhdeniya o metafizike* [Discourse on Metaphysics], in: *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl Publ., 1982, Vol. 1, pp. 125–163. (In Russian)

Losskii, N.O. A.A. Kozlov i ego panpsikhizm [Kozlov and his panpsychism], *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of Philosophy and Psychology], 1901, Vol. 58, pp. 181–205. (In Russian)

Losskii, N.O. *Tipy mirovozzrenii* [Types of Worldviews], in: *Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuitsiya* [Sensual, Intellectual and Mystical Intuition], comp. by A.P. Polyakov, text preparation and notes by R.K. Medvedeva. Moscow: Republic Publ., 1995, pp. 4–135. (In Russian)

Nagasawa, Y., Wager, K. Panpsychism and Priority Cosmopsychism, in: *Panpsychism: Contemporary*, ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016, pp. 113–129.

Oizerman, T.I. *Monadologiya Leibnitsa i panpsikhizm Alekseya Kozlova* [Leibniz's Monadology and Alexei Kozlov's Panpsychism], in: *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook], 1995, Vol. 10, pp. 97–106. (In Russian)

Panpsikhizm [Panpsychism], in: *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary], ed. by F. Ilyichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1983, p. 476. (In Russian)

Pavlenko, A.N. Panpsikhizm [Panpsychism], in: *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [Digital library] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2ea0524294aba2279a3d> (10.11.2024). (In Russian)

Prasolov, M.A. *Sub'ekt i sushchee v russkom metafizicheskom personalizme* [Subject and Being in Russian Metaphysical Personalism]. St. Petersburg: Asterion, 2007. 354 p. (In Russian)

Sprigge, T.L.S. *A Vindication of Absolute Idealism*. London: Routledge and Kegan Paul, 1983. 291 p.

Sysoev, M.S. Fundamental'naya pertsepsiya v filosofii Leibnitsa i sovremennyyi panpsikhizm [Fundamental Perception in Leibniz's Philosophy and Modern Panpsychism], *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2022, Vol. 59, No. 3, pp. 202–219. (In Russian)

Zen'kovskii, V.V. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Academic Project, 2001. 880 p. (In Russian)